

АФРАЗИЙСКАЯ ЗОНА НЕСТАБИЛЬНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ*

Александр Иванович Неклесса
Институт Африки РАН

Проблема искусства стратегического планирования рассматривается на примере российской политики в Сирии. Цивилизационные плиты Запада и Востока разделены срединным Афразийским разломом, трещины которого сходятся в центральном регионе нестабильности – на Большом Ближнем Востоке. Сирийская сумятица демонстрирует разнообразие акторов, в числе которых – Россия. Действия Москвы выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства за пределами сирийского круга. В 2012 г. в России началась очередная каденция Владимира Путина, выдвинувшего программу Евразийской интеграции. Предполагалось развитие ЕвразЭС, имевшее целью выстраивание Евразийского союза как альтер-аналога Европейского союза. Геоэкономическим рычагом реконструкции мыслился нефтегазовый комплекс, который включал бы: а) западную (украинскую и белорусскую) составляющую; б) дополняющий ее «Северный поток»; в) проектируемый «Южный поток»; г) восточный рукав – «Силу Сибири». Вскоре, однако, обнаружились изъяны концепции и технологий реализации. Планируемый политический контур ЕАЭС не состоялся, контроль над УкрГТС стал маловероятен, а проект «Южный поток» пришлось свернуть. Разрешение части проблем виделось в проекте «Турецкий поток», но требовался рычаг влия-

* Статья является расширенной версией доклада «Афразийская зона нестабильности и проблемы российского стратегического планирования» на конференции «Арабский кризис: региональные и глобальные последствия, перспективы политического ислама», г. Москва, 6 декабря 2018 г. (Институт Африки РАН, Центр цивилизационных и региональных исследований, НИУ «Высшая школа экономики», Лаборатория мониторинга рисков социально-политической дестабилизации).

ния на Анкару. Таковым мог стать плацдарм на сирийской территории. Успех был важен Москве также для восстановления престижа, сглаживания напряжений и манифеста следующей каденции. Анкара остро отреагировала на силовые действия у границы. План «Турецкого потока» был усечен, а летом 2018 г. заработал альтернативный ему «энергетический Шелковый путь» – TANAP. Москве пришлось завершить переговоры по Каспию, форсируя решение военно-стратегических задач, соглашаясь с принципом уведомления о прокладке трубопроводов. Недооцененным оказался объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось использовать связи с курдами, перешедшими под покровительство США. Военный союз с Ираном при нарастающей изоляции последнего становится стратегической ловушкой, а фиксирование зон доминирования чревато политическими и финансовыми обременениями. Интересы России в Афразийской зоне смещаются на Африканский континент. Для нашей страны это означает коррозию стратегической перспективы и отягощенность проблемным разнообразием как во внешней, так и во внутренней политике.

Человеческий космос сегодня наделен сюжетным разнообразием и обременен эклектикой персонажей. Текущая проблематика – скорее гордиев узел идеалов, интересов, взаимосвязей многоликих субъектов, проецирующих силу и волю в конъюнктурных сочетаниях, нежели арена конфронтации традиционных великих держав.

Мы движемся к новой концепции мира. Логичные конструкции наличных политологических нарративов пасуют перед парадоксами возникающих обстоятельств. Конвенциональное знание утрачивает способность эффективно опознавать и транслировать феноменологию иного – смесь возможностей будущего и угроз архаики. Анализ и прогноз подвижных, многофакторных ситуаций все чаще нуждаются в методологических изысках теории сложных систем, оперирующей такими понятиями, как «самоорганизующаяся критичность», «динамический хаос», «странные аттракторы», и другие, как выразилась бы Алиса, «чудесатыми зябликами».

Стратегическое мастерство

Стратегическое планирование не тождественно искусству стратегии, но тесно связано с ним. Суть стратегии – определение оптимального пути для достижения цели, она подобна дорожной карте, где расчет маршрута производится не с помощью формальных геометрических калькуляций, а в соответствии с реальными обстоятельствами и возможностями передвижения и продвижения. Особый импульс искусству стратегии получило в годы Второй мировой войны, когда планирование военных операций, политика и логистика реализовывались с учетом сложностей и масштаба глобального контекста.

В послевоенные годы опыт планирования и осуществления развернутых в пространстве и времени боевых операций конвертируется в знание, используемое в гражданской сфере, стимулируя разработку крупных и долгосрочных проектов (то есть продуктов стратегического планирования). Данный вид проектирования осуществлялся преимущественно на основе системного анализа, а наибольшую известность среди центров подобного рода получила связанная с военным ведомством корпорация RAND. В 1970-е гг. явлением в сфере социального прогнозирования стали доклады Римскому клубу. Заявленный в них подход – активное представление будущего – базировался на трех принципах, сформулированных отцом-основателем клуба Аурелио Печчеи: глобальность, долгосрочность, трансдисциплинарность (холизм). В качестве исследовательского инструментария применялась методология системной (индустриальной, мировой) динамики, разработанная Джеем Форрестером.

В конце XX в. формулируются и развиваются методы социального проектирования/прогнозирования на основе концептов матричного анализа, рефлексивного управления, синергетики, самоорганизованной критичности и т. п. Складывается методология анализа сложных систем и проведения операций, замещающая глобальность фрактальной комплексностью, долгосрочность нелинейной динамикой, а трансдисциплинарные обобщения, в соответствии с постулатами негативной диалектики Теодора Адорно, – перспективной уникальностью. Управление в условиях неопределенности и хаотизации реализуется посредством соответствующих аттракторов. Наибольшую известность из интеллектуальных центров, занимающихся про-

блемой сложности и динамикой сложных адаптивных систем, получил Институт Санта-Фе, основанный группой ученых преимущественно из Лос-Аламосской национальной лаборатории.

Акторы XXI в. продуцируют сложную среду. Современные, или же, точнее, постсовременные операционные комплексы – это не институты и учреждения в привычном понимании, а распределенные по планете капитализированные пространства действия: сгустки и средоточия предметно-связных и универсально координируемых целей, акций и коммуникаций (Неклесса 2018). Меняются также модели поведения и структуры лояльности, понимание суверенитета и базовых активов, соотношение уникального и универсального, объем возможностей и сумма рисков.

Комплексность и принципиальная неопределенность, мозаичность актуальных композиций существенно повышают требования к искусству стратегического планирования, предполагая апгрейд мастерства. Компетенция политической элиты – агентов и лидеров перемен в непростом мире – определяется классом задач, смысловым кадастром, умением различать и разделять, методами управления, горизонтом планирования. Подтверждается же она значимостью результата: деятельным опознанием генеральной перспективы, способностью представить и утвердить полноту возможного бытия. Проблема предела компетенций правящего слоя в различных политических системах осмысляется и решается по-разному: варьируются состав элиты и система ее образования, устраниаются кастовые препоны, вливается свежая кровь, усложняя характер элитного представительства, трансформируя представления о реальности и реформируя коды действия. Либо принимаются меры по их упрощению.

Минимизация разнообразия уменьшает шансы на развитие. При подавлении разномыслия и личностной инициативы спектр возможностей системы сужается, качество решений снижается, дефекты накапливаются, контроль доминирует над управлением. Особо уязвимы в кризисных обстоятельствах ригидные организмы с заблокированной корректирующей действия обратной связью. В период неурядиц, когда растет градус противоречий, недостаток пластичности, полифонии, интеллектуального напряжения и самоорганизации проявляется в дефиците альтернатив, снижении адаптивности, девальвации ценностей, уплощении смыслов и какофо-

нии интересов. Другими словами, отсутствие институционализированной оппозиции с иными взглядами на происходящее при перемене участи предопределяет нехватку оригинальных и отрефлексированных версий транзита вкупе с технологиями их реализации, подкрепленными мотивированным и квалифицированным кадровым ресурсом. Результат социальной депривации – эволюционный тупик: невнятность программ, деградация управления, архаизация сообществ. Процесс, заканчивающийся исчислением пустот и неконтролируемой хаотизацией.

Стратегическое мастерство само по себе является динамичной категорией. Принципы и цели не всегда согласуются с формами и методами их воплощения. Дорожная карта трансформации – непрерывный конфликт (плебисцит) приоритетов, координация опознаваемых ресурсов и допустимых потерь с действиями, критичными для достижения целей. Это искусство, способное воплощать идеи и замыслы, предъявляя миру преображенную реальность.

Афразийская зона нестабильности

Практика – предметное поле социальных дисциплин, ристалище гражданских и военных искусств. Обобщенная, но упрощенная модель глобального ландшафта (хотя это не лучшая основа для анализа специфики зона) – два взаимопроникающих диахронных ареала Запада и Востока с собственным социокультурным разнообразием и специфическими особенностями управления.

Цивилизационные плиты разделены срединным (меридиально-экваториальным) Афразийским разломом, трещины которого пронизывают континентальную плоть от чересполосицы Африки до Кавказа и Днепра, от наркоземель Колумбии до «золотого треугольника» Юго-Восточной Азии, сгущаясь, сходясь в центральном регионе нестабильности – на Большом Ближнем Востоке. Здесь находятся такие очаги управленческого упадка и коллапса, как Ливия и группа дестабилизированных африканских территорий, рядом – турбулентный район Газы, на юге Аравийского полуострова – расколотый войной Йемен, далее – калейдоскоп сирийской сумятицы, пассионарный инициатор «шиитского полумесяца» – предкризисный Иран, тревожно пульсирующие Ирак и Афганистан...

Случай Сирии ярче других ситуаций демонстрирует подвижность и пестроту драматичных коллизий в Афразийской зоне нестабильности (Коротаев, Исаев 2014; Коротаев и др. 2014). Здесь образуется непростая для оперативного анализа сумма асимметрично взаимодействующих сил, объектов, целеполаганий, меняющаяся в зависимости от конкретных достижений, поражений и внешних обстоятельств.

Число активных субъектов многополюсного конфликта при самом беглом подсчете превышает дюжину: режим Асада; разношерстная сирийская оппозиция; курды, стремящиеся если не к полной независимости, то к самой широкой автономии; ливанская «Хезболла»; уничтожаемый и вновь возрождающийся трансформер «Исламское государство» (ИГИЛ, ИГ)¹; Иран, пытающийся обустроить «шиитский пояс» (не забывая и о хуситских районах Йемена); Израиль, беспокоящийся о северных границах; Турция, выстраивающая на сирийской земле собственную зону безопасности; США с многочисленной коалицией, включающей как европоцентричных партнеров (Францию, Великобританию, Австралию, Канаду и др.), так и арабские государства (Саудовскую Аравию, ОАЭ, Иорданию, Марокко и т. д.). В этом причудливом смешении устремлений, интриг, интересов с некоторых пор обретается и Россия.

Действия Москвы, дважды или трижды объявлявшей о победе и выводе войск из Сирии, выглядят не вполне логичными, если не принимать в расчет обстоятельства, лежащие за пределами сирийского театра действий: текст и контекст устремлений, способ принятия решений, характер стратега, ретроспективы и перспективы общей политики. Действительно, Арабская весна пришла на сирийскую землю в марте 2011 г., достигнув пика в 2012–2013 гг. Но тогда же, летом 2012 г., ликвидируется аппарат главного военного советника в Сирии – сложная и разветвленная российская военно-разведывательная структура, существовавшая здесь более полувека (со времен Суэцкого кризиса 1956 г.), охватывая вниманием весь Ближневосточный регион. А еще через три года происходит громкое возвращение России, утратившей за это время доступ к обшир-

¹ Данная организация признана террористической Верховным судом РФ, ее деятельность на территории России запрещена. – *Прим. ред.*

ной оперативной информации, но тем не менее активно, самым непосредственным образом включившейся в заметно усложнившийся конфликт.

В чем же логика подобных зигзагообразных действий и есть ли она?

Устремления и воплощения

Попробуем частично реконструировать контекст. В 2012 г. в России началась очередная каденция Владимира Путина, определившего курс страны как восточную альтернативу и выдвинувшего амбициозную программу евразийской интеграции: «Мы предлагаем модель мощного наднационального объединения, способного стать одним из полюсов современного мира и при этом играть роль эффективной “связки” между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» (Путин 2011).

В русле данной попытки заполнить смысловой и стратегический вакуум предполагалось укрепление взаимодействия с азиатскими партнерами, развитие таких политических союзов, как СНГ, СГ, ТС, ОДКБ, ШОС, БРИКС, и им подобных с перспективой евразийской идеологической и геополитической интеграции². Главный же вектор продвижения виделся в трансформации Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) в наделенный отчасти геостратегическими и политическими функциями Евразийский экономический союз (ЕАЭС), потенциально сопрягаемый с китайской инициативой «Один пояс – один путь», ШОС и АСЕАН. А в перспективе, возможно, со Всесторонним региональным экономическим партнерством (ВРЭП) в Азиатско-Тихоокеанском регионе и отдельными африканскими странами. Имелось в виду созидание «в кругу расчисленном светил» полноценного

² «Содружество (СНГ. – А. Н.) остается незаменимым механизмом, позволяющим сближать позиции и выработать единую точку зрения на ключевые проблемы, стоящие перед нашим регионом <...> опыт СНГ позволил нам запустить многоуровневую и разноскоростную интеграцию на постсоветском пространстве, создать такие востребованные форматы, как Союзное государство России и Белоруссии, Организация Договора о коллективной безопасности, Евразийское экономическое сообщество, Таможенный союз и, наконец, Единое экономическое пространство» (Путин 2011).

Евразийского союза с российской доминантой как некоего альтернатива Европейского союза³.

Геоэкономической основой, рычагом масштабной геополитической реконструкции (отчасти по образцу железнодорожно-транспортного мегапроекта Российской империи [Некlessа 2014]) мыслилось создание обширного нефтегазового комплекса, состоящего из четырех сегментов: Запад – Север – Юг – Восток. Трансконтинентальная система включала бы: а) действующую западную (украинскую и белорусскую) составляющую; б) дополняющий (и отчасти перекрывающий) ее возможности «Северный поток»; в) проектируемый «Южный поток»; г) закрепляющий универсализм системы восточный рукав – «Силу Сибири»⁴. А также – реализацию обширного плана развития Дальнего Востока (тоже с определенными параллелями из российской истории) как хаба взаимодействия с восточноазиатским сообществом. Старт процесса был символически обозначен во Владивостоке на саммите АТЭС (сентябрь 2012 г.) в виде моста, соединившего Азиатский континент с островом Русский. В декабре того же года была достигнута договоренность о реорганизации ЕврАзЭС с передачей части функций транзитной Евразийской экономической комиссии.

На практике, однако, обнаружились изъяны как самой концепции, так и технологий ее реализации. Подвела склонность к эффективным клише и упрощенным решениям комплексных задач. Политические инициативы России наподобие проекта Евразийского парламента, иных наднациональных органов или единой валюты встречали противодействие. Со стороны руководства Казахстана,

³ «Будущий Евразийский экономический союз, о котором мы заявляли, о котором мы много говорим последнее время, это не просто набор взаимовыгодных соглашений. Евразийский союз – это проект сохранения идентичности народов, исторического евразийского пространства в новом веке и в новом мире. Евразийская интеграция – это шанс для всего постсоветского пространства стать самостоятельным центром глобального развития...» (Путин 2013).

⁴ Проект имел достаточно серьезное геоэкономическое обоснование: текущий и прогнозируемый рост потребления газа в мире и хорошие перспективы наращивания его экспорта Россией. Действительно, «Газпром» увеличил свою долю на европейском рынке с 23 % в 2010 г. до 34,2 % в 2017 г., поставив 193,9 млрд м³ газа, обеспечивая свыше трети потребностей данного рынка и демонстрируя годовой прирост экспорта на 8 % (см., например: Газпром 2018).

Белоруссии, Украины в той или иной форме прозвучали призывы не спешить с «политической составляющей» и сосредоточиться на решении сугубо экономических задач. (В мае 2014 г. договор о создании ЕАЭС был подписан Белоруссией и Казахстаном, затем другими участниками, с 1 января 2015 г. Союз начал функционировать, однако уже без важнейшего потенциального члена – Украины.)

Не принесло ожидаемых дивидендов «подражание Столыпину» – программа заселения и развития Дальнего Востока, рискующего оказаться серьезным политическим и экономическим бременем, а заинтересованность Китая, Японии, Южной Кореи, Индии в стратегическом партнерстве и широком сотрудничестве с Россией оказалась ниже ожидаемой. Все это, вместе взятое, наряду с возросшими внутренними проблемами предопределило стратегический кризис, обозначившийся уже через год после начала очередного президентского срока.

На рубеже 2013–2014 гг. попытки стимулировать соучастие Украины в созидании ЕАЭС, одновременно форсируя ее отказ от подписания соглашения об ассоциации с Европейским союзом, а также проблематичность протектората над УкрГТС привели к серьезному углублению кризиса, его второй фазе.

Столкновение с нелицеприятной реальностью обернулось замещением конструктивных подходов силовой деконструкцией обстоятельств⁵. В действиях по радикальному изменению ситуации главной стратегической ошибкой (уже заметно иных пропорций) стало присоединение Крыма, отягощенное усилиями по реализации проекта «Новороссия». Это было актом иного политического масштаба. Нарушение контрактно-договорного *modus vivendi* межгосударственных отношений подрывало политико-правовую платформу современного миропорядка, что не могло не иметь серьезных международных последствий (ср. аннексию Кувейта Ираком). Не говоря о результирующем сдвиге стратегического баланса не в пользу России: мультиплицируемой сумме негативных следствий-взаимодействий не только политического и военного, но также

⁵ 1 марта 2014 г. Совет Федерации дал согласие на «использование Вооруженных Сил РФ на территории Украины до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране» (Постановление... 2014).

юридического, экономического, экологического, финансового, имиджевого свойства.

Подвело и аналитическое обоснование геоэкономической стратегии, в частности, недооценка политических рисков и возможностей технического прогресса: развития нефтегазодобывающих и энергосберегающих технологий, систем производства, транспортировки, использования СПГ, потенциала сланцевой революции, ряда иных обстоятельств, результатом чего стало обострение борьбы за нефтяные и газовые рынки. Произошло падение цен на нефть, что сократило возможности рентно-ориентированной экономики России. Расходы же на вооруженные силы, внутренние войска, системы безопасности, госаппарат, трубопроводную сеть, демонстрационные и престижные проекты повышались. Ко всему прочему добавился груз санкций.

Все это плюс вынужденное сворачивание планов по строительству стратегически важного «Южного потока», а также газопровода «Ямал – Европа-2» (2014 г.), необходимость компенсировать запланированный в новой ситуации бойкот украинской газотранспортной системы, параллельное продвижение альтернативного российским планам южного газового коридора TANAP/TAP, наряду с миражами газопроводных артерий Катара, Ирана, Израиля, предопределили в конечном счете вовлечение России в сирийскую авантюру.

Сирийский соблазн

Побудительных мотивов на самом деле оказалось больше. К тому же где-то с середины 2013 г. стала заметно меняться ситуация в Сирии.

Летом Иран резко активизировал участие в сирийской сумятице, что поставило под сомнение забрезжившую было победу вооруженной оппозиции. Затем при участии России был урегулирован острый кризис, связанный с применением химического оружия в Восточной Гуте, причем Барак Обама отказался от выполнения соответствующих угроз (Goldberg 2016), что некоторым образом отозвалось и при планировании крымского сюжета. В следующем году, по мере нарастания проблем, связанных с «судорогой Крыма» и кризисом проекта «Новороссия», политическое руководство,

несмотря на афганский опыт, стало задумываться об использовании потенциала сирийского конфликта для купирования возникших обременений.

Ситуация в Сирии тем временем продолжала усложняться. После «чуда Мосула» произошла трансформация ИГИЛ (июнь – июль 2014 г.) – становление его как по-своему легального, хотя и нелегитимного исламского государства, обладающего территорией с подвижными границами, распространяющего присутствие и на сирийские земли. Что, в свою очередь, привело к действиям США, направленным против ИГ как в Ираке, так и в Сирии, при поддержке сложившейся под их эгидой многонациональной евроарабской коалиции. Появился хороший повод для исполнения Россией задуманного – возможность включиться в сложную геостратегическую комбинаторику под лозунгом и с мандатом «борьбы с терроризмом». 30 сентября 2015 г. Совет Федерации единогласно одобрил использование Вооруженных сил России за рубежом, при этом глава администрации президента РФ Сергей Иванов уточнил, что речь идет именно о Сирии⁶.

Но если к реализации сирийского сценария Москву в определенной мере и подтолкнуло эффективное на том этапе участие Ирана в военных действиях (укрепившее позиции Асада, заставившее вооруженную оппозицию перейти к обороне)⁷ плюс ожидае-

⁶ С. Иванов подчеркнул, что речь идет исключительно об операции ВВС: «Использование Вооруженных сил на сухопутном театре военных действий исключено. И военной целью операции является исключительно воздушная поддержка сирийских правительственных сил в их противодействии ИГИЛ» (Lenta 2015).

⁷ «В первой половине 2015 г. состоялись переговоры на высоком уровне между Москвой и Тегераном, после чего были достигнуты политические договоренности. 24 июля генерал К. Сулеймани посетил Москву для разработки деталей плана и координации военных действий в Сирии. В середине сентября 2015 г. были сделаны новые размещения отрядов иранской революционной гвардии, прибывших в Тартус и Латакию на западе Сирии. Поскольку большая часть подразделений Сирийской Арабской Армии и национальных сил обороны была развернута на более взрывоопасных фронтах, российские морские пехотинцы и Корпус стражей исламской революции, заняв позиции, установили военные контрольно-пропускные пункты в городах Слунфех (Восточная Латакия), Масяф (Восточный Тартус) и Рас-ал-Басит (прибрежный город Латакия). Следующее развертывание новых иранских сил в Сирии произошло в начале октября 2015 г.» (Хайруллин 2018: 205–206).

мые дивиденды от «маленькой победоносной войны», то суть интриги все же заключалась в ином. Привлекала возможность исправить ситуацию с основным геоэкономическим активом – комплексной газотранспортной системой, особенно в ее южном изводе.

Геоэкономика и стратегическое мастерство

Солдаты теперь не всегда носят форму, генералы же не всегда носили и прежде. Геополитика в России с некоторых пор подчиняет геоэкономике, и логика «гибридной» конфронтации с Киевом подвела к мысли об изоляции Украины от российского газового потока⁸. К тому же полный отказ от использования УкрГТС мог негативно повлиять и на внутриукраинский газооборот. Однако это был бы для Москвы весьма проблемный маневр с политической, технической и финансовой точек зрения.

Через украинскую систему сейчас прокачивается примерно 94 млрд м³ газа в год при технических возможностях заметно больше: 288 (вход), 178,5 (выход), 142,5 млрд м³ (ЕС). Две нити «Северного потока» проблему совокупного европейского трафика (194 млрд м³) полностью не решают (проектная мощность – 55 млрд м³ в год, сейчас режим форсирован – 62 млрд м³). Реализация проекта «Северный поток-2» – серьезного фактора в данной комбинации (проектная мощность 55 млрд м³) – и «Турецкого потока» (31,5 млрд м³) может составить примерно 86 млрд м³. Однако даже с учетом существующих «СП-1» и «Ямал – Европа» следует иметь в виду планы «Газпрома» по увеличению объема поставок. Как и то, что не реализованные до конца проекты отягощены вне-

⁸ «Министр энергетики РФ Александр Новак и глава “Газпрома” Алексей Миллер в ходе рабочей встречи с министром производственной реформы, окружающей среды и энергетики Греции Панайотисом Лафазанисом подтвердили позицию, что с 2019 г. Россия прекратит транзит газа в Европу через территорию Украины, сообщил журналистам греческий министр. Россия подтвердила, что после 2019 г. прекращает поставки газа в Европу через Украину. После этого поставки газа будут идти через Северный и Южный коридоры. По Южному коридору (газопровод с рабочим названием “Турецкий поток”) газ пойдет по маршруту Россия – Черное море – Турция – граница Греции. Это все служит интересам России. Мы готовы в этом участвовать» (РИА Новости 2015). «После окончания транзитного контракта с Украиной ни продления, ни заключения нового не будет ни при каких условиях», – заявил зампред правления компании Александр Медведев (ИТАР-ТАСС 2015).

экономическими проблемами. Для России же критически важно время их ввода в эксплуатацию, так как решения по путям транспортировки необходимо принимать до истечения срока соглашения с Украиной о транзите, то есть до конца 2019 г. Играет роль в данной ситуации также позиция западных стран⁹. В результате от идеи полного бойкота приходится отказываться, хотя дальнейшее сокращение объема прокачиваемого через УкрГТС газа вполне вероятно. В настоящее время переговоры между Россией и Украиной по вопросу условий будущего транзита уже ведутся под эгидой Европейской комиссии¹⁰.

Ситуация для России осложняется императивом обустройства южной ветви газового транзита, связанной с иными российскими месторождениями, нежели источники сырья для северных артерий, а также с реэкспортом туркменского и казахского газа в Европу. К тому же реализация альтернативного российскому южному газотранспортного проекта – Трансанатолийского трубопровода (TANAP) и перспектива последующего его соединения с Трансадриатическим трубопроводом (TAP) вкуче с перспективой транскаспийских газотранспортных путей, способных связать систему с Центральной Азией (в рамках проектируемой комплексной и трансконтинентальной системы Южного газового коридора), грозили если не исключить РФ из южноевразийского газооборота, то заметно сократить участие в нем.

Решение проблемы, казалось, было найдено в масштабном четырехтрубном комплексе «Турецкого потока» вместо так и не состоявшегося «Южного» (в обоих случаях планировалось 63 млрд м³). Однако, чтобы избежать неприятностей, схожих с теми, которые имели место с Болгарией (и Евросоюзом в целом) при попытке реа-

⁹ Владимир Путин о сохранении транзита российского газа через Украину: «Я знаю позицию по этому поводу федерального канцлера, которая постоянно эту тему поднимает. Хочу отметить, что главное, чтобы этот украинский транзит, традиционный для нас, соответствовал экономическим требованиям, был экономическим во всех смыслах этого слова» (ИТАР-ТАСС 2018).

¹⁰ Министр экономики и энергетики Германии Петер Альтмайер в своем выступлении на 11-й Российско-германской сырьевой конференции в Потсдаме 8 ноября 2018 г. заявил: «Мы начали диалог, прямые переговоры между Россией и Украиной о продолжении транзита после 2019 года... под председательством ЕК... Переговоры сейчас ведутся на уровне экспертов, они идут тяжело. Но разумной и приемлемой альтернативы этому нет» (Вся правда 2018).

лизации проекта «Южный поток», требовалось обзавестись значимой позицией в региональной ситуации. Иначе говоря, нужно было обрести рычаг устойчивого влияния на Турцию.

Средством воздействия виделась контролируемая Россией зона на северо-западе Сирии непосредственно у турецкой границы (в ином районе, нежели северо-восточный ареал доминирования ИГ), актуализация традиционных связей и влияния России на курдское сообщество, а также обладание таким инструментом, как «аргумент беженцев». Авиационная же поддержка правительственных частей, проасадовских прокси, иранских и связанных с Ираном сухопутных сил – ливанской «Хезболлы», иракского шиитского ополчения, других иностранных прошиитских боевиков позволила бы урегулировать значительную часть проблем, сопряженных с устойчивостью режима Башара Асада.

Общий же успех сирийской кампании был важен Москве и для желаемой передачи карт за счет размена проблем, восстановления престижа, смягчения внешней и внутренней напряженности, переключения внимания с событий на Украине и неурядиц в России, а также для манифеста следующей каденции.

«Русская осень»

Действия в сложной геополитической, геоэкономической и геокультурной обстановке требовали навыков высокого стратегического и оперативного мастерства. Но мир замыслов существует автономно от искусства их воплощения: желать не значит обладать. Результатом конструирования очередного прорыва стал назревающий третий кризис.

План создания плацдарма для давления на Турцию быстро потерпел фиаско. Анкара остро отреагировала на силовые действия у ее границ (ноябрь 2015 г.), отношения между странами катастрофически ухудшились. Не слишком помогло в главном вопросе даже налаженное позже сотрудничество разведслужб при попытке государственного переворота в стране (июль 2016 г.). Прокладка «Турецкого потока» несколько раз откладывалась, планы были сокращены (вместо 63 млрд м³ – 31,5, из которых только 15,8 уходит в Европу). Работы по двум из планировавшихся четырех нитей пришлось прекратить, а ставшие избыточными уже построенные

сегменты – законсервировать и утилизировать. Задавать тон в проекте, корректируя условия, стала именно Турция.

В результате очередная предвыборная кампания и каденция остались без озвученной и обсуждаемой программы, страна – без повестки и смыслового вектора, а государство – с расширяющейся финансовой дырой. Энтузиазм «весенних» настроений сменился осенней распутицей. Фокус внимания сместился в область оборонного сознания, профанированной апофатики, ресентимента и помрачения духа. Пришлось довольствоваться дивидендами от «ресурса смерти»: компенсаторными историями о *Wunderwaffe* и критичной венчурностью с перспективой «попадания в рай»...

Летом 2018 г. началась эксплуатация первой версии альтернативного российскому проекту «энергетического Шелкового пути» – Трансанатолийского газопровода, поставляющего азербайджанский газ через Грузию в Турцию и к Европейскому континенту сухопутным маршрутом, то есть, в отличие от «Турецкого потока», вне потенциально конфронтационной (с отрицательной капитализацией рисков) черноморско-азовской акватории. TANAP со временем может быть дополнен Трансадриатическим газопроводом (политически поддержанным Еврокомиссией и администрацией США), продолжая маршрут через Грецию к Италии, другая его ветка пойдет в Болгарию¹¹. Форсируя решение вопросов военно-стратегического характера, Москве пришлось срочно завершать переговоры о конвенции по правовому статусу Каспия, блокируя вероятность военного присутствия в нем внешних сил, но открыв возможность прямой транспортировки газа из Центральной Азии в Европу, соглашаясь с геоэкономическим люфтом – уведомительным принципом прокладки трубопроводов (оговорив, правда, «совместное решение экологических вопросов»).

Недооцененным оказался характер и объем военно-технических, логистических, транспортных проблем, связанных с сирийской кампанией. Не удалось эффективно использовать потенциал долговременных связей с курдами, перешедшими под покровительство США и вступившими в вынужденный диалог с Турцией.

¹¹ Трубопровод ТАР оценивается в 4,5 млрд евро, первоначальная мощность составит 10 млрд м³ газа в год с возможностью удвоения. Общая стоимость строительства Южного газового коридора оценивается в 40 млрд долларов (Regnum 2018).

А военный союз с Ираном в условиях его нарастающей изоляции становится фактически стратегической ловушкой, в некотором смысле (но не в масштабах) схожей с мышеловкой-цугцвангом Крыма. Умножаются, приобретая специфический опыт и расплзаясь по другим нестабильным территориям, частные военно-коммерческие предприятия, способствующие эскалации напряженности, связанные с ресурсно-трофейной экономикой и чреватые отложенным эффектом бумеранга (Шабаев 2018). Интересы же России в Афразийской зоне тем временем смещаются на Африканский континент (Meuer *et al.* 2018).

В итоге объявленные «выполнение поставленных задач» и «полный вывод войск» по-прежнему далеки от завершения. Фиксирование международного (внешнего) консенсуса относительно процесса пацификации Сирии (Стамбульская декларация) и зон доминирования чреваты серьезными политическими, финансовыми и иными обременениями, а общий результат для РФ может стать схожим с эффектом «победоносного рейда на Приштину». Сирия оказывается фактически разделенной на «суннитский протекторат» Турции; неопределенную автономию курдов (в настоящий момент подконтрольных США) с примкнувшей частью вооруженной оппозиции; ареал Идлиба, вобравший как гражданских беженцев, так и джихадистское сообщество, эвакуированное с обширной территории, контролируемой ирано-асадовскими силами (но с перспективой вытеснения Ирана из Сирии объединенной коалицией при поддержке Израиля); плюс подвижное в размерах и географической локации «дикое поле» с ушедшим в *ингияз* (временное отступление) «Исламским государством».

Для России все это означает коррозию исторической перспективы, поиск очередного стратегического бенефиса и отягощенность проблемным разнообразием как во внешней, так и во внутренней политике.

Библиография

- Вся правда 2018.** В Европу без Украины. «Газпром» готовится к худшему? *Вся правда* 18 ноября. URL: <http://allpravda.info/vevropu-bez-ukrainy-gazprom-gotovitsya-kkhudshemu-72665.html>.
- Газпром 2018.** Годовой отчет ПАО «Газпром» за 2017 год. *Газпром* 29 июня. URL: <http://www.gazprom.ru/f/posts/85/227737/application-1.pdf>.

- ИТАР-ТАСС. 2015.** «Газпром» подтвердил намерение прекратить транзит газа через Украину после 2019 года. *ИТАР-ТАСС* 9 июля. URL: <https://tass.ru/ekonomika/2029526>.
- ИТАР-ТАСС. 2018.** Путин: «Северный поток-2» не закрывает возможности транзита газа через Украину. *ИТАР-ТАСС* 18 августа. URL: <https://tass.ru/ekonomika/5468916>.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М. 2014.** Формирование «афразийской» зоны нестабильности. *Арабский кризис и его международные последствия* / Ред. А. М. Васильев, А. Д. Саватеев, Л. М. Исаев. М.: Ленанд/URSS. С. 206–227.
- Коротаев А. В., Исаев Л. М., Руденко М. А. 2014.** Ортокузенный брак, женская занятость и «афразийская» зона нестабильности. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 180–207.
- Неклесса А. И. 2014.** Преодоление Евразии (Геоэкономический этюд). *Полит. Политические исследования* 3: 27–46.
- Неклесса А. И. 2018.** Кризис истории. Мир как незавершенный проект. *Полит. Политические исследования* 1: 80–95.
- Постановление Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. 2014.** *Совет Федерации ФС* 1 марта. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102171481&intelsearch=&firstDoc=1&lastDoc=1.
- Путин В. В. 2011.** Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня. *Известия* 3 октября. URL: <https://iz.ru/news/502761>.
- Путин В. В. 2013.** Выступление на юбилейном заседании «Многообразие России для современного мира» международного дискуссионного клуба «Валдай». *Kremlin.ru*. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.
- РИА Новости 2015.** РФ подтвердила прекращение транзита газа через Украину после 2019 года. *РИА Новости* 31 марта. URL: <https://ria.ru/economy/20150331/1055722864.html>.
- Хайруллин Т. Р. 2018.** *Исламистские проекты как инструмент борьбы за лидерство в арабском регионе*: дис. ... канд. полит. наук. М.: Ин-т Африки РАН (рукопись).
- Шабеев Е. 2018.** Жизнь человека ничего не стоит. *Lenta.ru* 22 ноября. URL: https://lenta.ru/articles/2018/11/22/ch_v_k/?utm_medium=social&

utm_source=facebook&fbclid=IwAR3FtpZ1iwaBbvjwJh9Mkk0SmDyDSz
hWmEobOR0cVJmU5jKfJkmGf8-jp4U.

Goldberg J. 2016. The Obama Doctrine. *The Atlantic* April Issue. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/>.

Lenta 2015. Совет Федерации разрешил использование российских войск в Сирии. *Lenta.ru* 30 сентября. URL: <https://lenta.ru/news/2015/09/30/za/>.

Meyer H., Arkhipov I., Rahagalala A. 2018. Putin's Notorious 'Chef' Is Now Meddling Across Africa. *Bloomberg* November 20. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2018-11-20/putin-chef-yevgeny-prigozhin-is-now-meddling-in-africa>.

Regnum 2018. TANAP – технический газопровод или возвращение Nabucco? *Regnum* 4 июля. URL: <https://regnum.ru/news/2442895.html>.